

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

И НЕ ТОЛЬКО

АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО И НЕ ТОЛЬКО

АМЕРИКАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

И НЕ ТОЛЬКО

АМЕРИКАНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ
ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА

Об этой книге 5

Александра Борисенко

Американский детектив

в самом расцвете сил 7

Сьюзен Гласпелл

СУД РАВНЫХ

— 24 —

Кэрролл Джон Дэйли

ЛЖЕ-БЕРТОН КОМБС

— 44 —

Ричард Коннелл

ЦВЕТ ЧЕСТИ

— 66 —

Уильям Роллинз-младший

КОЛЬЦО НА РУКЕ СМЕРТИ

— 80 —

Дэшил Хэммет

ОДИН ЧАС

— 110 —

Винсент Старретт

ОДИННАДЦАТЫЙ
ПРИСЯЖНЫЙ

— 124 —

Миньон Г. Эберхарт

ПЯТНИСТАЯ СОБАЧКА

— 142 —

Эллери Квин

ДЕЛО О СЕМИ
ЧЕРНЫХ КОТАХ

— 166 —

Джон Диксон Карр

ВТОРОЙ ПАЛАЧ

— 188 —

Роберт Лесли Беллем

ЗАПАХЛО ЖАРЕННЫМ

— 202 —

Фрэнк Грубер

СМЕРТЬ НА ПЕТУШИНЫХ
БОЯХ

— 216 —

Корнелл Вулрич
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЗАЙМЫ

— 234 —

Энтони Эббот
ИДЕАЛЬНОЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ МИСТЕРА
ДИГБЕРРИ

— 260 —

Мэри Робертс Райнхарт
ГУБНАЯ ПОМАДА

— 278 —

Уолтер С. Браун
ДЕЛО ХМЕЛЬНОГО
ПОПУГАЯ

— 298 —

Дэй Кин
СОУС ДЛЯ ГУСАКА

— 326 —

Ричард Деминг
ЧЕЛОВЕК, ВЫБРАВШИЙ
ДЬЯВОЛА

— 342 —

Дон М. Манкевич
УБИЙСТВЕННАЯ СТАВКА

— 376 —

Клэйтон Роусон
С ЛИЦА ЗЕМЛИ

— 386 —

Гарри Кемельман
КОНЕЦ ИГРЫ

— 408 —

Т. С. Стриблинг
ОКОЛО
ОДИННАДЦАТОГО
ЧАСА

— 422 —

Энтони Баучер
НУЖНО ПОСТАВИТЬ
ТОЧКУ

— 438 —

Шарлотта Армстронг
ВРАГ

— 458 —

Мюррей Лейнстер
ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО

— 480 —

Рекс Стаут
ОТ СОБСТВЕННОЙ
РУКИ

— 490 —

Комментарий505

Глоссарий645

Библиография661

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)я43
К82

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Составители Александра Борисенко, Виктор Сонькин

К82 Криминальное чтение и не только. Американский детектив первой половины XX века : новеллы / пер. с англ.; составители А. Борисенко, В. Сонькин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2020. — 672 с.

ISBN 978-5-17-117115-5

В этой антологии представлен американский детективный рассказ первой половины XX века во всем его разнообразии. В межвоенную эпоху родился специфический американский жанр — крутой детектив, но одновременно с ним продолжали существовать и классические интеллектуальные головоломки, и готические “домашние” детективы, и приключения ловких мошенников. В книге представлены знаменитые и малоизвестные авторы; многие рассказы впервые переведены на русский язык. Современному читателю эти тексты интересны не только закрученным сюжетом, но и “фоном”, на котором происходит действие, атмосферой эпохи. Из комментария можно будет подробнее узнать о том, как развивалась Америка в бурный период сухого закона, джаза, Великой депрессии и криминального чтения.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)я43

ISBN 978-5-17-117115-5

- © А. Борисенко, В. Сонькин, составление, научное редактирование, 2020
- © А. Борисенко, предисловие, 2020
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Сонькина, перевод, комментарий, глоссарий, 2020
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2020
- © ООО “Издательство АСТ”, 2020
Издательство CORPUS®

Harry Kemelman

ГАРРИ
КЕМЕЛЬМАН

1908–1996

Перевод и вступление
Екатерины Лобковой

Гарри Кемельман родился и прожил почти всю жизнь в Массачусетсе. Его родители — евреи, эмигрировавшие из России, — дали сыну еврейское образование, и еще в детстве он сам заинтересовался Талмудом. Получив в Бостонском и Гарвардском университетах образование в области английской литературы и филологии, он мечтал преподавать, но не смог сразу устроиться на работу в колледж и стал работать учителем английского языка в бостонских школах. В 1936 году он женился на эмигрантке из Дании Анне Кессин, с которой прожил до самой смерти; у них было трое детей. Во Второй мировой войне он не участвовал, но служил портовым чиновником в военном ведомстве.

Рассказ был впервые опубликован в октябре 1950 года в “Детективном журнале Эллери Квина” и переиздан в сборнике “Девятимильная прогулка” (1967).

END PLAY

После войны Кемельман попробовал себя в частном предпринимательстве: открыл агентство по трудоустройству людей, ушедших с работы, которой они занимались во время войны, но успеха не добился и занялся торговлей недвижимостью. Наконец, он нашел место в институте и, погрузившись в преподавание, начал писательскую карьеру, о которой давно мечтал.

Главным героем его первых рассказов был Ники Вельт, пожилой холостой профессор английской литературы из безымянного колледжа в Новой Англии. Но подлинный успех пришел к нему после выхода в 1964 году первого из романов о раввине Дэвиде Смолле. Сочиняя этот роман, раввин Кемельман надеялся собрать деньги для постройки синагоги в городке Марблхэд в двадцати милях от Бостона, где он жил с 1940-х годов, наблюдая за формированием общины из молодых еврейских семей, принадлежавших к среднему классу. Первый вариант, повествовавший о строительстве храма, редактор отклонил, но, поскольку знал и любил рассказы о Ники Вельте, полусерьезно посоветовал добавить туда детективную интригу. И через год роман “В пятницу рабби проспал” получил премию Эдгара По за лучший дебют, а затем был переведен на многие языки и неоднократно переиздавался. После 1970 года Кемельман ушел из преподавания и стал подолгу бывать в Израиле.

Серия о приключениях рабби Смолла включает семь романов (в названии каждого упоминается один из дней недели) и еще пять книг, последняя из которых вышла незадолго до смерти автора. Особняком в ней стоят “Разговоры с рабби Смоллом” (1981), где детективная интрига отсутствует, а раввин занят разъяснением истин иудейской веры молодой паре. Дэвид Смолл — молодой семейный раввин из общины консервативных иудеев в маленьком городке на побережье Массачусетса, напоминающем Марблхэд. Расследуя преступления, он опирается на здравый смысл, понимание человеческой психологии и слово Талмуда, много рассуждает об этических проблемах и межэтнических противоречиях, в том числе со своим другом — ирландцем-католиком из местной полиции. Конечно, честертоновский отец Браун оказал большое влияние на Кемельмана, однако уподоблять Смолла Брауну следует осторожно: раввин играет в общине верующих иную роль, это правовед, судья и учитель, а не духовный авторитет. Много места в романах уделено любовному разъяснению истории, культуры, быта и традиций иудеев, хотя члены общины выписаны с ноткой мягкой сатиры, а раввин постоянно ведет с ними борьбу, оберегая их как от ассимиляции, так и от чрезмерной ортодоксии и отстаивая свой годовой контракт. В 2000-х годах “неделя” из семи романов публиковалась на русском языке, но перевод был неудачен и полон фактических неточностей. Новый перевод первого романа серии

**ELLERY QUEEN'S
Mystery Magazine, 1950**

ГАРРИ КЕМЕЛЬМАН

(“В пятницу рабби проспал”, перевод М. Переясловой) появился в 2015 году на страницах антологии “Сыщики от Бога”.

Ранняя серия рассказов Кемельмана (1947–1967) практически потерялась в тени романов о рабби Смолле, хотя в свое время издатели ценили ее достаточно высоко и даже предлагали написать целый роман о Ники Вельте, а позднее Кемельман называл рабби Смолла сыном Ники Вельта. Тем не менее профессор Вельт был неоригинален. Одиноким, надменным интеллектуалом, который живет в башне из слоновой кости (где готовит и убирает преданная ему хозяйка), но если уж выходит из нее, то непременно посрамляет несообразительную полицию, решая очередную детективную головоломку, а ход своих умозаключений разъясняет другу-рассказчику (безымянному прокурору округа Фэрфилд), кого-то явно напоминал. На русском языке публиковался только первый из рассказов о Ники Вельте — “Девятимильная прогулка” (1947 год, перевод В. Бабкова), замысел которого, по словам Кемельмана, возник на уроке, когда он пытался объяснить ученикам, что слова не существуют в пустоте, и был окончательно реализован лишь через четырнадцать лет, когда Кемельман написал этот рассказ за один день.

ГАРРИ КЕМЕЛЬМАН

КОНЕЦ ИГРЫ

Была пятница, а вечер пятницы я обычно провожу за игрой в шахматы с Ники. Эта традиция зародилась, когда я устроился на юридический факультет университета, и не пресеклась даже после того, как я бросил преподавание и стал окружным прокурором. Обычно мы играли по три партии, и я как раз объявил мат в три хода, рассчитывая победить в решающей игре.

Ники сдвинул густые седые брови, внимательно изучая тот угол доски, на котором была сосредоточена моя атака. И коротко кивнул, признавая свое поражение. Я предположил:

— Вы могли бы предотвратить мат, если бы заранее продвинули пешку.

— Возможно, — ответил Ники, насмешливо глядя на меня маленькими голубыми глазами, — но это только затянуло бы игру, а позиция стала мне надоедать.

Я собирался возразить, что, как правило, позиция начинает ему надоедать, когда он близок к проигрышу, но тут позвонили в дверь, и я пошел открывать. Такое ощущение, что всякий раз, когда мне представляется случай дать Ники достойный ответ, обязательно что-нибудь да помешает.

Пришел полковник Эдвардс из военной разведки, с которым мы вместе расследовали смерть профессора Макналти. Вернее будет сказать, что мы расследовали одно и то же дело, но порознь, поскольку с самого начала нашему сотрудничеству мешало плохо скрываемое соперничество, и каждый шел своим путем, сосредоточившись на той версии, которую считал наиболее перспективной. Да, мы договорились встречаться каждое утро в моем кабинете и обсуждать, каких успехов нам удалось достичь, но было очевидно, что каждый хотел не просто раскрыть дело, а раскрыть его первым. Поскольку этим утром я уже виделся с полковником, а новая встреча была назначена на завтра, его появление меня озадачило.

Полковнику было чуть за тридцать; он был еще молод, а для погон с орлами, по-моему, даже слишком молод. Невысокий, коренастый, он вышагивал с важностью, которая, впрочем, присуща людям с таким телосложением и вовсе не всегда обозначает заносчивость. Наверное, это был достойный человек и знаток своего дела, но я не питал к нему теплых чувств; мы познакомились два дня назад, и он мне сразу не понравился. Во-первых, он сразу потребовал предоставить ему руководство расследованием на том основании, что профессор

Макналти работал на армию; во-вторых, его надменность была просто невыносима. Будучи на полголовы ниже, он как-то умудрялся смотреть на меня сверху вниз.

— Я проходил мимо и увидел свет в вашем окне, — объяснил Эдвардс.

Я кивнул.

— Мне вздумалось обсудить с вами кое-что и попросить совета.

Такова была его обычная манера. Меня она раздражала, поскольку я никогда не мог понять, что скрывалось за этой почтительностью: то ли искреннее проявление любезности, то ли издевка. Во всяком случае, я не спешил принимать его слова за чистую монету.

Я опять кивнул и провел полковника в кабинет, где Ники убирал обратно в коробку шахматные фигуры. Я представил их друг другу и, когда все уселись, Эдвардс спросил:

— Вы не обнаружили ничего важного после нашей утренней встречи?

Я мельком подумал, что обычно первыми подают хозяева поля, но сказать об этом значило бы открыто продемонстрировать нашу взаимную неприязнь.

— Ну, мы поймали Троубриджа, — ответил я. — Мы нашли его в Бостоне и привезли сюда.

— Быстро работаете, — покровительственно заметил полковник, — но боюсь, что вы идете по ложному следу.

Мне следовало лишь пожать плечами в ответ, но я был уверен в своей правоте и спокойно сказал:

— За несколько часов до того, как Макналти застрелили, Троубридж с ним поссорился. Макналти не зашел

ему курс физики, потому что Троубридж вовремя не выполнил заданные на семестр лабораторные работы. Троубридж пришел к профессору и стал оправдываться, что растянул запястье и не может писать. Макналти в тот день был раздражен и мрачен. Он никогда не был приятным человеком, но во время этой встречи повел себя и вовсе отвратительно. Я знаю это от его секретарши. Она сидела прямо за дверью кабинета Макналти и слышала почти весь разговор. По ее словам, Макналти прямо заявил, что Троубридж преувеличивает тяжесть травмы, и более того — возможно, и из армии его комиссовали благодаря такому же трюку. В скобках могу заметить, что я проверил послужной список Троубриджа — он оказался безупречен. Троубридж был уволен из армии после двух ранений, полученных в бою. Конечно, он не смолчал, когда Макналти стал над ним глумиться. Они поссорились, и секретарша слышала, как юноша кричит: “Пристрелить вас мало!”

Я выдержал многозначительную паузу и продолжил:

— Итак, мы знаем, что Троубридж уехал в Бостон поездом в 8:10. По дороге на станцию он должен был миновать дом Макналти, причем не позднее чем в 8:05. Согласно показаниям профессора Альбрехта, Макналти застрелили в одну или две минуты девятого. — Я опять помолчал, чтобы придать вес указаниям времени, над которыми следовало поразмыслить. Затем сказал с тихим торжеством: — В сложившихся обстоятельствах я вынужден признать, что заподозрить Троубриджа логично. — Загибая паль-

цы, я стал приводить аргументы: — Он ссорился с убитым и угрожал ему — вот мотив; он служил в армии, сражался за океаном и, возможно, сохранил трофейный “люгер” — вот оружие; он был возле дома убитого в то время, когда произошло убийство, — вот возможность; и, наконец, он бежал в Бостон — вот свидетельство виновности.

— Но обычно в профессоров не стреляют за то, что они не зачли курс, — возразил Эдвардс.

— Да, обычно так не делают, — признал и я. — Но ценности меняются. Троубридж сражался за океаном. Думаю, он часто видел, как убивают, и стал намного ниже ценить святость человеческой жизни. Вдобавок не сдать этот курс означало вылететь из колледжа. Кстати, Троубридж говорит, что поехал в Бостон, чтобы разузнать, не сможет ли он перевестись в один из тамошних колледжей. Нервный, чувствительный юноша легко мог убедить себя, что все его будущее разрушено.

Эдвардс медленно кивнул, как будто засчитывая мне очко.

— Вы допрашивали его?

— Да. Я не добился признания, если вы спрашиваете об этом. Но кое-чего добился. Зная, что он должен был пройти мимо дома Макналти примерно в 8:05, я сказал, что его видели там. Конечно, это был выстрел наугад, но не совсем. Приблизительно в это время проходит поезд на Олбани, с которого всегда сходят два-три пассажира. По дороге в город они вполне могли встретить Троубриджа, шедшего на вокзал.

Эдвардс кивнул опять.

— И это сработало. Трuebasridж покраснел и наконец признался, что остановился у дома Макналти. Он утверждал, что простоял там несколько минут, думая, не попытаться ли снова поговорить с профессором и переубедить его. Но потом он услышал поезд на Олбани и, зная, что бостонский отходит вскоре после него, поспешил уйти. Я задержал его как важного свидетеля. Допрошу его завтра. Быть может, после ночи в тюрьме он станет более покладистым.

Полковник Эдвардс медленно покачал головой.

— Вряд ли. Трuebasridж не стрелял в Макналти. Макналти застрелился. Это самоубийство.

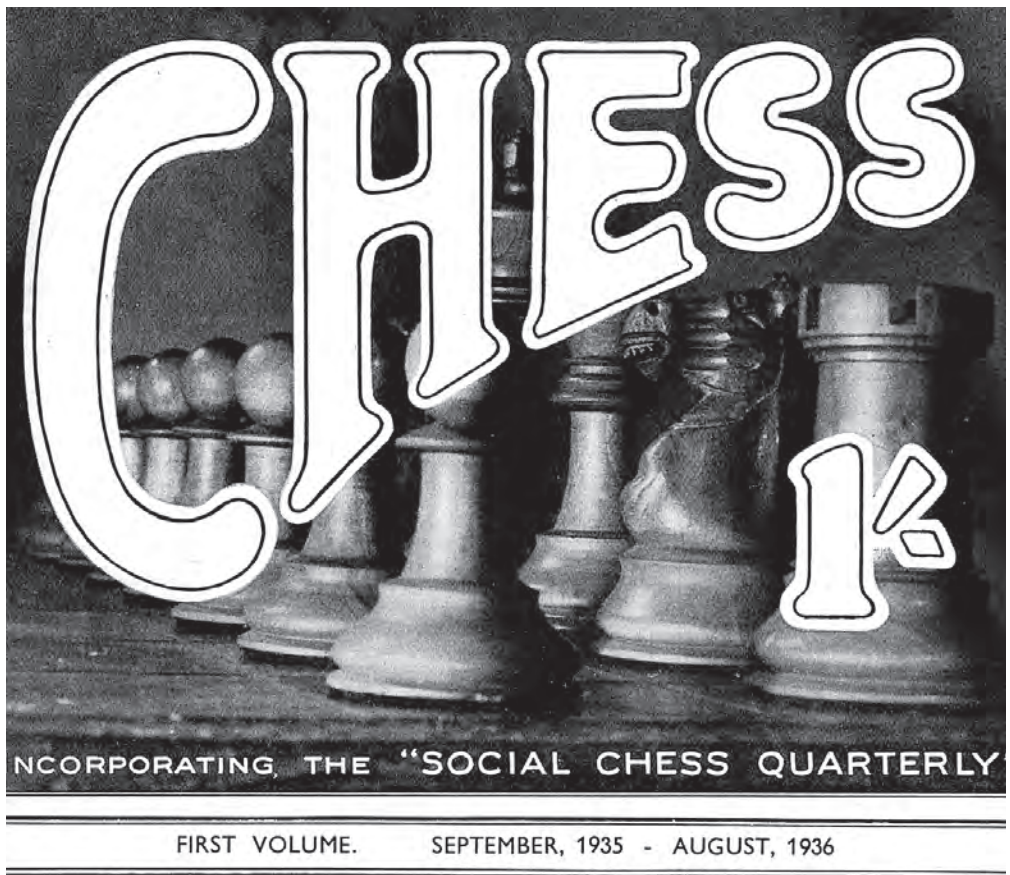
Я удивленно посмотрел на него.

— Мы ведь сразу отвергли версию о самоубийстве. Да вы же сами...

— Я ошибся, — холодно сказал Эдвардс, задетый тем, что я напомнил об этом.

— Но наши тогдашние возражения нечем опровергнуть. Кто-то позвонил в дверь, и Макналти пошел открывать. Профессор Альбрехт подтвердил это.

— Не подтвердил. Это мы решили, что он подтверждает. На самом деле

Альбрехт сказал, что посреди шахматной партии Макналти извинился и встал, сказав, что кто-то стоит у двери. Давайте еще раз повторим все обстоятельства дела, и вы увидите, где именно мы ошиблись. Профессор Альбрехт говорит, что играл в шахматы с Макналти. Как я понимаю, они часто играли друг с другом.

— Да, — сказал я, — они играли каждую среду вечером, как мы с Ники играем каждую пятницу. Они обедали вместе в университетском клубе и шли домой к Макналти.

— Ну а в ту среду было иначе. У Альбрехта было много работы, и он задержался в лаборатории, прежде чем прийти к Макналти. Как бы то ни было, они сели играть в шахматы. Вы помните, как стоит мебель в кабинете Макналти? Давайте я вам покажу.

Полковник открыл свой портфель и достал фотографию кабинета. Это была уставленная книгами комната, которую отделяла от коридора арка. Шахматный столик находился почти в центре, справа от арки. Фотограф, видимо, стоял у самого столика, потому что на снимке были четко видны расставленные шахматы. Взятые фигуры, белые и черные, лежали вперемешку по одну сторону доски.

Полковник показал на стул, придвинутый к столику.

— Здесь сидел Альбрехт — лицом к арке, которая ведет в коридор. Приходящая и входная дверь слева по коридору, то есть слева от того места, где сидел Альбрехт. Итак, он утверждает, что посреди игры Макналти пошел к двери. Альбрехт слышал что-то, что, как он решил позднее, и было выстрелом, но тогда он подумал, что это авто-

мобильный выхлоп на улице. Звучит правдоподобно, так как дуло, судя по всему, было прижато к телу Макналти. Это должно было заглушить звук, как если бы стреляли через подушку. Во всяком случае, Альбрехт подождал пару минут и позвал Макналти. Не дождавшись ответа, он отправился на поиски и увидел, что его друг лежит на полу прихожей с пулей в сердце и еще теплым пистолетом в руке. — Эдвардс обратился ко мне. — Таковы показания Альбрехта? Я ничего не упустил?

Я покачал головой, гадая, что следует дальше.

Полковник улыбнулся, чрезвычайно довольный.

— Естественно, благодаря показаниям Альбрехта мы отмели версию с самоубийством. Мы предположили, что тот, кто позвонил в дверь, выстрелил в Макналти и, думая, что тот дома один, вложил ему в руку пистолет, чтобы создать видимость суицида. Если в дверь звонили, то это должно быть убийство и не может быть самоубийство. Это логично, — настаивал он, как будто все еще был недоволен тем, что я припомнил ему его заблуждение. — Даже если в дверь звонил совершенно посторонний человек, чтобы спросить, допустим, дорогу до вокзала, Макналти не мог совершить самоубийство: ему пришлось бы выстрелить, как только за проходом закрылась дверь, и тот сразу же вновь заглянул бы в дом, чтобы узнать, что произошло. Это означало бы, что все время, пока Макналти играл в шахматы, у него в кармане лежал заряженный пистолет. Это означало бы...

Я перебил его:

— Хорошо, версия с самоубийством была несостоятельна. Что заставило вас изменить свое мнение?

Эдвардса несколько рассердило мое вмешательство, но он тут же взял себя в руки и торжественно произнес:

— Дверной звонок. Что-то в показаниях Альбрехта не сходилось. Я несколько раз заставил его повторить свой рассказ. И понял, что он ни разу не сказал, что слышал звонок в дверь — только что Макналти попросил извинить его, ссылаясь на то, что кто-то стоит у двери. Когда я спросил напрямую, слышал ли Альбрехт звонок, он смешался и наконец признал, что не слышал. Он пытался объяснить это тем, что был поглощен игрой, но звонок громкий, и, если бы он прозвонил, Альбрехт наверняка услышал бы его. А раз он не слышал, значит, звонок не звонил. — Полковник пожал плечами. — Конечно, если у двери не было третьего человека, версию о самоубийстве нужно рассмотреть повторно.

Вдруг он замолчал. И слегка покраснел.

— Признаться, — сказал он проникновенно, — я не был с вами вполне искренен. Боюсь, я внушил вам ошибочную мысль, что я приехал исключительно затем, чтобы расследовать смерть Макналти. Но дело в том, что я прибыл еще в среду утром, позвонил ему и договорился встретиться у него дома в половине девятого вечера. Разработка, которой занимались Макналти и Альбрехт, зашла в тупик. Их преследовали странные неудачи. Было повреждено сложное оборудование, для замены которого потребовались бы недели, а то и месяцы. От-

четы поступали с опозданием и часто содержали ошибки. Заказчик — артиллерийско-техническая служба — попросил нас разобраться, и меня направили сюда для предварительного изучения вопроса.

Поэтому, предполагая возможность самоубийства, я спросил Альбрехта, не было ли на проекте саботажа. Тут-то все и выяснилось. Он признался, что уже некоторое время подозревал Макналти и провел свое небольшое расследование. Будучи уверен, что Макналти виновен, он не решился открыто обвинить его. Тем не менее он делал намеки. Все время, пока они играли, он намекал, что знает, что затеял Макналти. Как я понял, он высказывал свои соображения на языке шахматистов. Сам я не играю в шахматы, но полагаю, что он сказал что-то вроде “Вы попадете в серьезную опасность, если не откажетесь от своей тактики”. В конце концов, Макналти понял и помрачнел. Альбрехт говорил, что он все бормотал: “Что же мне делать?” Потом Альбрехт сделал ход и произнес: “Сдавайтесь!” — как я понимаю, так шахматисты предлагают противнику признать поражение и закончить партию. — Эдвардс протянул руки, как будто преподнося нам дело на блюдечке с голубой каемочкой. — Именно тогда Макналти пробормотал, что кто-то пришел, и встал из-за стола.

— Альбрехт видел, как он застрелился? — спросил я.

— Почти что. Он видел, как Макналти вышел в арку. Он пошел не налево, в сторону прихожей, а направо — там спальня. Подозреваю, что он пошел

за пистолетом. Потом он вернулся и прошел мимо арки в прихожую.

— Почему же он не дождался, пока Альбрехт уйдет?

— Вероятно, помнил, что скоро должен прийти я.

Я был почти уверен, что догадка Эдвардса верна. Но признаваться в этом я не собирался. Речь шла уже не о том, чтобы положить на лопатки Эдвардса. Я думал о Макналти. Мы не дружили, но я порой играл с ним в шахматы в университетском клубе. Не то чтобы он мне нравился, но мне не хотелось верить, что он мог лишиться себя жизни, тем самым фактически признаваясь в саботаже. Видимо, о моих сомнениях и растерянности можно было догадаться по тому, как усиленно я старался их скрыть.

— И это ваша версия? — насмешливо спросил я. — Да любой юрист-первокурсник не оставит от нее камня на камне! В ней дыр, как в решетке.

Полковник покраснел, слегка опешив от воинственности моего тона.

— Например?

— Например, пистолет. Вы выяснили, откуда он у Макналти? А прежде всего — почему Альбрехт солгал? Почему Макналти предпочел прихожую? Почему из всех комнат такого просторного дома он выбрал именно прихожую, чтобы застрелиться?

— Альбрехт лгал потому, что Макналти был его другом. Покойный больше не мог тормозить работу, так зачем было Альбрехту выставлять его изменником и самоубийцей, если можно было умолчать об этом? Кроме того, мне кажется, он чувствовал себя отчасти виноватым в том, что Макналти покончил с собой. Вспом-

ните, он предложил партнеру прекратить игру. Наверное, он был подавлен, обнаружив, что друг так истолковал его совет.

— А пистолет?

Эдвардс пожал плечами.

— Вы сами подчеркнули, что пистолет трофейный. В стране их полно, и лишь очень немногие зарегистрированы. Дать его профессору мог, например, бывший студент. Между прочим, Альбрехт говорил, что Макналти упоминал нечто подобное несколько месяцев назад. Нет, с оружием все понятно. Куда сложнее было решить вопрос с прихожей, пока я не осмотрел дом внимательно. Выяснилось, что после смерти жены (она умерла несколько лет назад) Макналти закрыл весь верхний этаж и часть нижнего. И хотя в доме шесть комнат, он использовал только небольшое пространство на первом этаже: кабинет, который раньше служил столовой, спальню и кухню. В кабинете он застрелиться не мог, там был Альбрехт, который помешал бы самоубийству. В кухню нужно было идти через кабинет, а Макналти, думаю, не хотел проходить мимо Альбрехта. Остается только спальня, и я счел бы ее самым подходящим местом, если бы не одно обстоятельство: там висит большой портрет жены Макналти. Он выполнен анфас, так что кажется, будто он следит за тобой взглядом, в какой бы угол ты ни отошел. Думаю, именно это остановило Макналти. Он не хотел стреляться как бы на глазах у жены. Конечно, это только предположение, — добавил Эдвардс с ухмылкой, показывавшей, что ему версия кажется удачной.

— Складная теория, — буркнул я, — но и только. У вас нет никаких доказательств.

— По правде говоря, — протянул полковник, и в уголках его губ заиграла злобная улыбочка, — у меня есть доказательство. Несомненное доказательство. Мы как-никак работаем на армию, и кое у кого есть некоторый опыт. Я проделал парафиновую пробу — и получил положительный результат.

Мне следовало догадаться, что у него в рукаве туз. На этот раз я не пытался скрыть раздражение. Я понурился и неохотно кивнул.

— Что такое парафиновая проба? — спросил Ники, который все это время молчал.

— Это весьма убедительное свидетельство, Ники, — ответил я. — Я не знаю в точности химическую суть этой пробы, но она научно достоверна. У любого оружия, как бы хорошо ни были пригнаны его детали, часть пороха летит в обратную сторону и остается на руке стрелка. При выполнении пробы руки подозреваемого покрывают горячим парафином, а затем снимают его, как перчатку. Потом на поверхности парафина ищут порох, то есть нитраты, и если они там есть, значит, этот человек стрелял из оружия. Боюсь, теперь с Макналти все ясно.

— Итак, оракул из пробирки изрек свой приговор? — усмехнулся Ники.

— Ники, это убедительное свидетельство.

— Свидетельство? Я ждал, когда же вы начнете рассматривать имеющиеся свидетельства.

Мы с полковником удивленно возрились на него.

— И что же я упустил? — надменно осведомился Эдвардс.

— Посмотрите на фотографию комнаты. Посмотрите на шахматы.

Я вгляделся в фотографию. Эдвардс неуверенно смотрел на нас. Рассмотреть положение фигур было нелегко, потому что ближайшие к объективу казались сильно искаженными. Но потом у меня забрезжила мысль.

— Давайте-ка посмотрим, как это выглядит на доске, — сказал я, высыпая фигуры из коробки на стол и принимаясь выбирать те, которые требовались, чтобы воспроизвести позицию.

Ники сардонически усмехнулся, забавляясь моей неспособностью понять позицию по фотографии. Эдвардс напряженно смотрел то на него, то на меня и, кажется, почти ожидал, что на доске обнаружится имя убийцы.

— Если эти фигуры — подсказка, — сказал он, — то есть если подсказка в их расположении, то мы всегда можем сравнить доску с оригиналом. Дом опечатали, ничего не трогая.

Я нетерпеливо кивнул, изучая доску. Расположение фигур начинало казаться знакомым. И я понял.

— Да он разыграл гамбит Логана — Асквита! И очень хорошо разыграл.

— Никогда о нем не слышал, — заявил Ники.

— И я не слышал, пока Макналти не показал мне его, неделю назад, в университетском клубе. Он нашел этот гамбит в сборнике эндшпилей Левенштайна. Это рискованный дебют, им почти никогда не пользуются. Но в нем интересно развиваются слоны. Ники, вы думали, что подавленный

человек, который собирается застрелиться, не стал бы играть такую сложную партию, да еще и так хорошо?

— Вообще-то я думал не о тех фигурах, которые стоят на доске, но о фигурах рядом с доской. О взятых.

— Что с ними не так? — спросил я.

— Они все лежат с одной стороны от доски, и черные, и белые.

— И что?

Ники посмотрел на меня скорбно, даже мученически, и усталым тоном стал объяснять то, что, по его мнению, было очевидно.

— Люди играют в шахматы так же, как пишут или держат теннисную ракетку. Правша двигает фигуры правой рукой, ею же снимает фигуры противника и кладет их на стол справа от себя. Если играют двое правшей — как, например, Макналти и Альбрехт, — в конце игры черные фигуры, которые съел тот, кто играл белыми, лежат справа от него, а по другую сторону доски, по диагонали от них, лежат белые фигуры, которые съел его партнер, игравший черными.

Я словно увидел перед собой Троубриджа, каким видел его сегодня днем. Он мучился, пытаясь зажечь сигарету левой рукой, потому что правая висела на черной шелковой перевязи.

Ники продолжал, как будто прочел мои мысли:

— Когда левша играет с правшой, взятые фигуры лежат с одной стороны доски, но, конечно, раздельно: черные фигуры рядом с тем, кто играл белыми, белые рядом с тем, кто играл черными. Они бы не были перемешаны, как на фотографии, разве что...

Я посмотрел на доску, на которой только что воспроизвел позицию.

Ники кивнул, как будто я был глупым учеником, которому удалось нащупать правильный ответ.

— Правильно. Разве что кто-то высыпал их из коробки и расставил только те, которые есть на схеме эндшпиля.

Эдвардс спросил:

— Хотите сказать, что Макналти не играл партию, а показывал какой-то особый дебют?

Он мучительно обдумывал эту идею и глядел в пространство, пытаясь увязать ее с остальной картиной. Потом потрянул головой.

— Не сходится. Зачем тогда Альбрехт сказал, что они играли партию?

— Вот именно, Альбрехт, — подхватил Ники. — Попробуйте предположить, что это он расставил фигуры на доске.

— Все равно не сходится. Зачем ему лгать об этом?

— Незачем, — согласился Ники, — если он воспроизвел позицию до того, как в Макналти выстрелили. Но что, если Альбрехт расставил фигуры потом?

— Зачем ему это делать? — сердито спросил Эдвардс. По мере того какросло его недоумение, он раздражался все сильнее.

Ники устало возвел глаза к потолку.

— Затем, что неоконченная партия в шахматы предполагает, во-первых, что игрок провел некоторое время у доски, и, во-вторых, что он сел играть с дружественными намерениями. Вряд ли нужно добавлять, что если кто-то явно пытается внушить нам

оба этих предположения, то вероятно, что оба они неверны.

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что профессор Лютер Альбрехт позвонил в дверь Макналти около восьми часов, и, когда Макналти открыл ему, Альбрехт поставил дуло пистолета к его груди и спустил курок, потом вложил оружие в руку убитого, переступил через тело, прошел в комнату и хладнокровно расставил фигуры в соответствии с диаграммой эндшпиля, которую нашел в одной из книг о шахматах — у Макналти их было много. Вот почему партия была разыграна так хорошо. Ее проработал знаток — возможно, тот самый Левенштайн из книги, о которой вы говорили.

Мы с полковником уставились на Ники. Эдвардс первым обрел дар речи.

— Но зачем Альбрехту убивать Макналти? Он был его лучшим другом.

В голубых глазах Ники блеснула насмешка.

— Думаю, полковник, в этом виноваты вы. Утром вы звонили и договорились встретиться вечером. Полагаю, именно это так огорчило Макналти. Не знаю, он ли был непосредственным виновником неудач в работе, но как руководитель он должен был понести ответственность. Полагаю, он рассказал о вашем звонке Альбрехту, своему доброму другу и коллеге. А Альбрехт знал, что при расследовании посторонние люди кое-что раскопают, если он не найдет козла отпущения, или — как это называется? — крайнего, вот.

Я посмотрел на Эдвардса — он надулся, как мальчик, у которого лопнул шарик. Вдруг он что-то вспомнил. Его

глаза заблестели, а губы тронула презрительная улыбка, почти усмешка.

— Все это очень мило, — сказал он, — но все это чушь. Вы забыли, что у меня есть доказательство самоубийства. Парафиновая проба доказала, что Макналти стрелял.

Ники улыбнулся.

— Полковник, это ваша проба — чушь. В нашем случае она ничего не доказывает.

— Ну как же, — вмешался я, — проба не врет.

— Проба доказывает только то, что рука Макналти была рядом с оружием, — отрезал Ники.

— То есть?

— Представьте, что кто-то позвонил в вашу дверь, — сказал Ники, обращаясь ко мне, все с тем же мученическим видом, — как полковник сегодня вечером, а когда вы открыли ему, он упер вам в грудь пистолет. Что бы вы сделали?

— Ну... Наверное, я бы схватил его за руку.

— Вот именно. И если в этот миг он выстрелит, нитраты окажутся на руках и у него, и у вас.

Полковник выпрямился. Потом вскочил, схватил свой портфель и бросился к двери.

— Эти вещества не так-то легко отмыть, — бросил он через плечо. — Тем более счистить с одежды. Я задержу Альбрехта и сделаю парафиновую пробу.

Когда я вернулся в кабинет, проводив полковника до двери, Ники сказал:

— В сущности, нашему молодому другу незачем было так спешить. Я бы мог предложить ему другое доказа-

КОНЕЦ ИГРЫ

тельство — фигуры. Не сомневаюсь, что последние отпечатки пальцев на каждой фигуре, как на черной, так и на белой, принадлежат Альбрехту. Это ему трудно было бы объяснить, если бы он продолжал утверждать, что просто играл в шахматы.

— И правда! Утром я преподнесу эту идею Эдвардсу. — Я поколебался и сделал решительный ход. — Но ведь Альбрехт очень рисковал. Разве не лучше было бы ему уйти после смерти Макналти? А он остался, вызвал полицию, выдумал всю эту историю и...

— Разве не ясно? — раздраженно спросил Ники. — Он не мог уйти. Он был заперт в доме. Он аккуратно вложил пистолет в мертвую руку Макналти. Он был готов уйти. Он посмотрел на улицу через окошко в двери: обычно в этот час улица пуста, но он

все же хотел убедиться, что путь свободен. И увидел, как по улице тащится Троубридж. Альбрехт дождался пару минут, пока тот пройдет, выглянул опять: юноша остановился прямо на другой стороне улицы и уходить не собирается. Еще через пару минут придут пассажиры поезда, идущего в Олбани. А потом уже мог появиться наш полковник, если бы пришел раньше назначенного времени.

— Что ж, не зря я допрашивал Троубриджа? — Я ликующе потер руки. — По крайней мере, тут я обставил полковника.

Ники кивнул.

— Самонадеянный молодой человек. В каких там войсках он служит?

— В разведке.

— Ишь ты! — Ники поджал губы, потом растянул их в ледяной улыбочке. — Я на той войне был в пехоте.

